

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ГОРОДА | ARTISTIC IMAGE OF THE CITY

[https://doi.org/10.34680/urbis-2025-5\(1\)-24-57](https://doi.org/10.34680/urbis-2025-5(1)-24-57)

«Ереванский эпос» в русской советской литературе первой половины 20 века: Андрей Белый, Мариэтта Шагинян, Осип Мандельштам

А. Петрс-Барцумиан

Ереванский государственный университет, Ереван, Армения
petrsbartsumianan@gmail.com

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

«армянский текст»
образ Еревана
Армения
Мариэтта Шагинян
Андрей Белый
Осип Мандельштам
травелог

АННОТАЦИЯ

Литература и культура Восточной Армении и России связаны с XIX века, когда в 1828 году Восточная Армения вошла в состав Российской империи. В это время армянская тематика стала важной частью русской литературы, и многие писатели, такие как Александр Пушкин, Мариэтта Шагинян, Андрей Белый и Осип Мандельштам, обращались к образам Армении в своих произведениях. В центре исследования – анализ образа Еревана в текстах этих авторов, сопоставление их видения города и его культурного значения в русской литературе, особенно в рамках «армянского текста». В статье анализируются три травелога, посвященные Армении, созданные Мариэттой Шагинян, Андреем Белым и Осипом Мандельштамом, с особым акцентом на образ Еревана. Несмотря на различия в подходах авторов, их тексты объединяет тема трансформации и развития города. Шагинян изображает Ереван как символ социалистического прогресса и центр культурных и научных достижений. Для Андрея Белого город – это точка пересечения культур и стихий, где переплетаются древность и современность, природное и искусственное. Мандельштам, в свою очередь, акцентирует внимание на исторической и культурной значимости Еревана, придавая ему личностное и символическое измерение. Исследование подчёркивает многообразие интерпретаций города, отражающих мировоззренческие и творческие различия авторов.

Для цитирования:

Петрс-Барцумиан, А. (2025). «Ереванский эпос» в русской советской литературе первой половины 20 века: Андрей Белый, Мариэтта Шагинян, Осип Мандельштам. *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*, 5(1), 24–57. [https://doi.org/10.34680/urbis-2025-5\(1\)-24-57](https://doi.org/10.34680/urbis-2025-5(1)-24-57)

Финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке Республики Армения в рамках научного проекта № 24SSAH-6B014.

The “Yerevan epic” in Russian Soviet literature of the first half of the 20th century: Andrei Bely, Marietta Shaginyan, Osip Mandelstam

Ani Petrs-Bartsumian

Yerevan State University, Yerevan, Armenia
petrsbartsumianan@gmail.com

KEYWORDS

“Armenian text”
image of Yerevan
Armenia
Marietta Shaginyan
Andrei Bely
Osip Mandelstam
travelogue

ABSTRACT

The literature and culture of Eastern Armenia and Russia have been intertwined since the 19th century, when Eastern Armenia became part of the Russian Empire in 1828. During this period, Armenian themes became an essential aspect of Russian literature, with many writers, such as Alexander Pushkin, Marietta Shaginyan, Andrei Bely, and Osip Mandelstam, turning to Armenian motifs in their works. This study focuses on the analysis of Yerevan's image in the works of these authors, comparing their perceptions of the city and its cultural significance in Russian literature, particularly within the framework of the “Armenian text.” The paper examines three travelogues on Armenia written by Marietta Shaginyan, Andrei Bely, and Osip Mandelstam, focusing on the portrayal of Yerevan. Despite their approaches, the authors' texts share a common theme of the city's transformation and development. Shaginyan depicts Yerevan as a symbol of socialist progress and a center of cultural and scientific achievements. For A. Bely, the city represents a point of convergence between cultures and elements, intertwining antiquity and modernity, nature and artifice. Mandelstam, in turn, emphasizes Yerevan's historical and cultural significance, imbuing it with personal and symbolic meaning. This study highlights the diversity of interpretations of the city, reflecting the ideological and creative differences among the authors.

For citation:

Petrs-Bartsumian, A. (2025). The “Yerevan epic” in Russian Soviet literature of the first half of the 20th century: Andrei Bely, Marietta Shaginyan, Osip Mandelstam. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 5(1), 24–57. [https://doi.org/10.34680/urbis-2025-5\(1\)-24-57](https://doi.org/10.34680/urbis-2025-5(1)-24-57)

Funding:

The work was supported by the Science Committee of the Republic of Armenia, within the framework of the research project no. 24SSAH-6B014.

Введение: культурный контекст

Литература и культура Восточной Армении и России оказываются в тесной связи с XIX века, когда в 1828 году Восточная Армения стала частью Российской империи. Уже в следующем году выдающийся русский писатель Александр Пушкин совершил путешествие по Кавказу и Закавказью и написал «Путешествие в Арзрум» (1830–1836), содержащее одно из первых описаний Армении в русской литературе. Получив ненадолго независимость в 1918 году, Армения вновь оказалась под влиянием Москвы и в 1922 году вошла в состав Советского государства. В это время многие русские писатели обращались к армянской теме, приезжали в Армению, а литература об Армении, наряду с литературой о Грузии и Кавказе, стала «полноценным сверхтекстом русской литературы» (Багратион-Мухранели, 2016, с. 3).

Интерес к не-русским культурам связан в том числе с колониальной риторикой России (как имперской, так и советской), в рамках которой периферия осваивалась и присваивалась центром – как территориально, так и культурно. Представители русской литературы пишут об Армении не для Армении, но вводят в семиосферу и гомосферу новые тексты для своего «внутреннего пользования»¹ (ср. «По сути, эта моя Армения написана о России» (Битов, 2013, с. 147)).

В центре внимания этого исследования – образ Еревана в произведениях советских авторов, положивших начало травелогам об Армении в русской советской литературе: «Путешествие в Советскую Армению» (1950) Мариэтты Шагинян, очерк «Армения» (1928) Андрея Белого, «Путешествие в Армению» (1931) Осипа Мандельштама².

Мариэтта Шагинян была командирована в Армению в 1922 г. и продолжала приезжать туда в последующие годы. Мариэтта Шагинян, вероятно, была первой, кто приехала в Армению писать серию очерков о молодой республике в составе нового Советского государства: «Я была первым писателем, получившим мандат на первую командировку в Закавказье» (Шагинян, 1987, с. 810) – вспоминала М. Шагинян. Там же она указывает, что путешествует по Армении по заданию «партийного органа», а не из любознательности. Действительно, в 1922 году редакция «Правды» отправила её в длительную командировку по Грузии, Армении и Азербайджану.

Первый очерк об Армении – «История одного канала» – был опубликован в «Правде» 18 ноября 1922 года. В следующем году писательница выпустила книгу «Советская Армения», в которую, кроме очерков, вошли протоколы Первого сельскохозяйственного съезда, которые она же и вела. В 1926 году после поездки по Армении и Азербайджану был написан ещё ряд очерков, таких как «Нагорный

¹ О взаимосвязях между этими сферами см. подробнее: Симян, 2019б.

² Сергей Городецкий – один из первых русских писателей нового Советского государства, кто путешествовал по Армении и писал о ней. Впервые он посетил Армению до русской революции 1917 года, когда Восточная Армения ещё входила в состав Российской империи; был свидетелем последствий Геноцида армян в Западной Армении. В 1919 году, когда Армения ещё была независимой, а Россия уже стала советской, Городецкий вновь приехал в Армению, читал лекции в Ереване, написал цикл статей «Путешествие в Эривань» – «Тише пешего», «Оживающий город» и «№ 35», в которых «живыми красками обрисовано царящее (в Ереване) общественно-политическое положение» (Закарян, 2018, с. 57), активное строительство нового города и новой городской культуры. Еревану и Ереванским впечатлениям Городецкого посвящены следующие исследования: Закарян, 2018, сс. 56–67; Закарян, 1981, сс. 53–64.

Карабах», «Зангезурская медь», впоследствии опубликованных единой книгой «Советское Закавказье» (1931). Опубликовано в 1950 году «Путешествие по Советской Армении» представляет собой собранные и отредактированные очерки предыдущих десятилетий. В 1957 году «Путешествие...» вышло в дополненном виде и в такой версии вошло в полные собрания сочинений писательницы.

М. Шагинян, работая над очерком, проехала и прошла пешком буквально всю Армению, «она спускалась в самые глубокие недра рудников в Зангезуре и поднималась на самую высокую – 4090 метров над уровнем моря – гору Арагац, став первой женщиной, взобравшейся на неё» (Творчество М. С. Шагинян, 2023, с. 98); она изучала работу заводов, институтов, вклад отдельных людей в развитие страны. Одни примечания автора занимают 41 страницу и писались/редактировались на протяжении двух лет, в 1949–1951 гг. В 1957 году вышла расширенная версия «Путешествия...», с дополненными сведениями и главами, которая в таком виде попала в собрание сочинений Шагинян (1972). В «Путешествии...» Шагинян органично сочетаются жанры публицистической и художественной литературы. Это «многожанровый конгломерат, синтезирующий очерки документального, этнографического, географического характера и собственно литературный материал: сценки, рассуждения, лирические отступления» (Богачева, 2010, с. 135). Исследовательница Е. Богачева определяет «Путешествие по Советской Армении» Шагинян как «литературное путешествие в форме путевого очерка» (Богачева, 2010, с. 135).

Существует не так много исследований, посвящённых «Путешествию...» М. Шагинян. Это может быть связано с тем, что известная когда-то писательница, журналистка, революционерка, исследовательница оказалась забытой в постсоветское время. Однако в последние годы интерес к её жизни и творчеству растёт, о чём свидетельствует, например, посвящённая М. Шагинян научно-практическая конференция «Шагиняновские чтения»³. Отметим отдельно статью Е. Богачёвой, посвящённую жанру литературного путешествия в творчестве М. Шагинян, в центре которой – «исследование видовых модификаций жанра в книге “Путешествие по Советской Армении”» (Богачева, 2010, с. 134).

Андрей Белый побывал в Армении в мае–июне 1928 и 1929 гг. Знакомый с М. Шагинян с конца 1909 года, Белый впервые приехал в Армению через 6 лет после первой командировки М. Шагинян – и также в командировку, где они вновь встретились. «И по традиции встреч наших, – вспоминал Белый, – добрая буря словес поднялась между нами; делюсь впечатлениями от Эривани, от красок Армении» (Белый, 1985, с. 29). Итогом стал очерк «Армения», который был написан для журнала «Красная новь» и вышел в августовском номере того же 1928 года. В 1929 году, как признавался Белый в письме Мартиросу Сарьяну от 10.03.1929, «такого задания» у него не было: «хочется пожить в Армении и для отдыха» (Белый, 1985, с. 98), хотя уже в следующем письме Сарьяну от 18.04.1929 в постскрипуме Белый сообщает, что «Красная Новь» «собирается ... дать путевую бумажку о командировке» на случай, если он сможет и успеет написать ещё один очерк (Белый 1985,

³ *Шагиняновские чтения, 2013–2024*. Региональная ежегодная научно-практическая конференция (Ростов-на-Дону, Россия). <https://shaginian.sfedu.ru>. Автор выражает огромную благодарность сотрудникам Ростовского музея русско-армянской дружбы, а также Виктории Шефер за помощь и предоставленные материалы IV Шагиняновских чтений.

с. 103). Была ли официально организована вторая командировка и сделал ли Белый заметки для второго очерка – работа для будущих исследователей.

Очерку «Армения» Белого также посвящено не так много исследований. В издании 1985 года в разделе «Приложения» помещена обзорная статья Натальи Гончар «Путевая проза Андрея Белого и его очерк “Армения”», где, в числе прочего, утверждается, что текст Белого – «первый в русской советской прозе содержательный, красочный, поэтичный рассказ художника слова, большого мастера литературы об армянской земле, о её природе и людях, о древней её культуре и переживаемом сегодня бурном возрождении» (Белый, 1985, с. 147). Это не так, о чём было сказано выше. Кроме того, специфический «советский» пафос требует критического прочтения данной статьи.

В 1997 году вышла книга немецкой исследовательницы Кармен Сиппл, посвящённая путешествию на Кавказ Белого и Мандельштама. Примечательно, что Армения в работах ряда исследователей включается в Кавказский регион, что не только неверно, но и продолжает колониальную риторику относительно культур Кавказа и Закавказья (Sippl, 1997). Ссылаясь на работу Сиппл, современная исследовательница Криста Эберт исследует травелоги Белого «Ветер с Кавказа» и «Армения» как эстетическое наставление (Эберт, 2010). В то же время обзорные статьи современных авторов, такие как культурфилософские исследования Ж. Бересневой, посвящённые миру культуры в путевых заметках Белого (Береснева, 2014), исследования путевой прозы русских писателей А. Громова-Колли (Громов-Колли, 2002), не уделяют особого внимания очерку об Армении Белого.

Среди травелогов об Армении в русской советской литературе первой половины XX века с описанием Еревана выделим также серию очерков Максима Горького «По Союзу Советов», которые появлялись с 1929 года в созданном Горьким журнале «Наши достижения». Эти очерки – результат поездки писателя по Азербайджану, Грузии, Армении, а затем по северу России; им посвящена статья Ольги Шуган (Шуган, 2018). Описание в них Армении и Еревана ничем существенно не отличается от описаний Белого и/или Шагинян, и одновременно менее художественно, потому его подробный анализ не представлен в настоящем исследовании.

Осип Мандельштам путешествовал по Армении с мая по сентябрь 1930 года. Это путешествие не просто отличается от поездок Шагинян и Белого – оно противопоставлено им. Мандельштам ехал не по заданию редакции, не по «туристской прихоти <...>, – как пишет Надежда Мандельштам. – Для Мандельштама приезд в Армению был возвращением в родное лоно – туда, где всё началось, к отцам, к истокам, к источнику» (Мандельштам, 1987, с. 132). В отличие от Шагинян и Белого, которые путешествуют по Советской Армении и восхваляют её достижения в составе Советского государства, Мандельштам стремится в Библейскую Армению, «Армения в глазах Мандельштама – форпост христианского, эллинского и иудейского мира» (Николаева, 1997, с. 35), что само по себе является преступлением в атеистическом Советском государстве. С другой стороны, для Мандельштама было важным уехать подальше от Ленинграда и Москвы, буквально сбежать и спастись, и «тильуленшпигелевская» травля⁴ была не единственной причиной, но веской: после 1927 года родной город «пугает Мандельштама ночными арестами, предчувствием смерти» (Таркан, 2010, с. 198).

⁴ См. подробнее: Мандельштамовская энциклопедия, 2017а, с. 87; Сурад, 2018).

Поездка Мандельштама должна была состояться в 1929 году, он начал готовиться к ней, читал материалы по истории и культуре Армении, стал учить армянский язык, однако тогда ничего не вышло, несмотря на содействие Н. Бухарина и А. Мравяна, министра просвещения и зам. пред. Совнаркома АССР⁵. В 1930-м путешествие было устроено через В. Молотова.

«Путешествие в Армению» писалось в 1931–1932 гг. и было опубликовано в 1933 году — то есть через три года после путешествия; непосредственно же после поездки был написан (осень 1930 года, Тбилиси) и опубликован (мартовский выпуск «Нового мира» за 1931 г.) цикл стихов «Армения». Важным для понимания «Путешествия...» является тот факт, что рукопись произведения Мандельштам отправил приложением к письму Мариэтте Шагинян от 5 апреля 1933 года, то есть за месяц до публикации в «Звезде». В письме Мандельштам просил заступиться за репрессированного Бориса Кузина, друга и учёного, с которым они познакомились в Ереване, и «Путешествие...» должно было в этом помочь⁶.

«Путешествие в Армению» Осипа Мандельштама сложно назвать очерком в полной мере. Мандельштам, в отличие от Шагинян и Белого, не только «прошёл мимо бурно цветущей и радостно строящей социализм Армении» (Розенталь, 1933, с. 4), ничего не написал о строящейся советской Армении, но создал неподцензурный текст.

Первая публикация «Путешествия...» сорвалась, концовка про армянского царя Аршака, взятого в плен ассирийским царём Шапухом, была запрещена цензурой. В следующей публикации фамилия репрессированного биолога Б. Кузина была изменена на Зотов, но избежать резкой критики и скандала не удалось: журнального редактора Ц. Вольпе «выгнали из редакции “Звезды” за то, что он напечатал “Путешествие в Армению”, да ещё с концовкой про царя...»⁷ (Мандельштам, 1989, с. 301). Кроме того, из-за «Путешествия...» сорвалась публикация намеченных книг и сборников Мандельштама, несмотря на то что на некоторые были заключены контракты и даже выплачены гонорары⁸; прижизненных отдельных публикаций Мандельштама больше не было.

«Путешествие...» Мандельштама — сложный многоуровневый текст на границе жанров и форм, поэтический текст, и туристическое описание Армении не является его задачей.

Путешествию в Армению и «Путешествию в Армению» Осипа Мандельштама уделено больше внимания в науке и публицистике на разных языках⁹. С одной стороны, учёных интересует сам текст «Путешествия...», история его создания, жанровые, тематические, образные характеристики и особенности, проблематика текста, интертекстуальность, анализ приёмов, средств выразительности,

⁵ Или вопреки, так как на апрельском Пленуме ЦК и ЦКК 1929 года Бухарин был «разгромлен» и снят с занимаемых постов, а осенью скоропостижно умер Мравян. См. подробнее также: Мандельштамовская энциклопедия, 2017а, сс. 86–87.

⁶ См. подробнее: Мандельштам, 1999б, сс. 149–151.

⁷ В «Воспоминаниях» Надежды Мандельштам ошибка, перепутаны имена армянского и ассирийского царей. Полностью цитата выглядит так: «...Вольпе, тот самый, которого выгнали из редакции “Звёзды” за то, что он напечатал “Путешествие в Армению”, да ещё с концовкой про царя Шапуха, не получившего от ассирийца “один добавочный день”. Эта концовка была запрещена цензурой». Однако Шапук — это и есть ассириец, тогда как в плену был Аршак (Мандельштам, 1989, с. 301).

⁸ См.: Нерлер, 2014, сс. 58–59, 113; Мандельштамовская энциклопедия, 2017а, с. 87.

⁹ См. список исследований: Мандельштамовская энциклопедия, 2017б, сс. 56, 112, 410–485.

лексики, форм¹⁰. С другой стороны, «Путешествия...» исследуется как «армянский текст» русской литературы, в связи с литературой о Кавказе и Закавказье¹¹. Кроме того, исследовательницы обращаются к произведению в рамках литературы путешествий¹², а также анализа тем и проблем, изучают «Путешествие...» наряду с другими текстами Мандельштама и/или других авторов¹³.

Город – один из центральных элементов художественного мира Осипа Мандельштама. Многие исследователи, среди которых Владимир Топоров, Сергей Шиндин, Рышард Пшибыльский, Юрий Фрейдин, Георгий Левинтон, Леонид Видгоф, Омри Ронен, обращались к городской теме в творчестве поэта¹⁴. Однако исследований, посвящённых «Ереванскому тексту» русской литературы¹⁵ и образу Еревана в творчестве Мандельштама, в особенности в «Путешествии в Армению», нет. Отсутствуют также исследования образа Еревана в очерках М. Шагинян и А. Белого, чем и обусловлена актуальность данной работы. Важно проанализировать, как формируется образ города в каждом из произведений и сравнить эти образы.

Ереван, столица Армении, – город, насыщенный историей и культурой. Ереван (в русскоязычных текстах до 1936 года – Эривань), один из древнейших городов мира, пережив множество разрушений, стал центром сперва Армянской области (1828), а затем Эриванской губернии (1849) Российской империи, потом – столицей Первой Республики Армении (1918) и Советской Армении (1920), культурным, экономическим, политическим центром, каковым остаётся до сих пор¹⁶. Именно в составе советского государства в 1930–1940-е годы город был вновь перестроен в соответствии с первым генеральным планом 1924 года Александра Таманяна, который сумел соединить «древние традиции армянской архитектуры с логистикой, инфраструктурой и комфортом городов первой половины XX в.» (Маргарян, 2021, с. 47). И именно в таком строящемся Ереване первой половины XX в. оказываются М. Шагинян, А. Белый, О. Мандельштам. Ереван, как и Севан, Арарат, – это «не просто армянские локусы» (Шафранская, 2022, с. 136), это один из культурных концептов «армянского текста» русской литературы.

а) Образ Еревана в очерке А. Белого «Армения»

В «Армении» А. Белый, в отличие от импрессионистического травелога о Грузии, более строго следует жанру путевого очерка. У текста чёткая композиция, в нём легко прослеживается маршрут и программа путешествия. Вероятно, это связано с тем, что «писатель движим не только поэтической потребностью запечатлеть в художественной записи взволновавшее душу... яркое и значительное событие своей жизни, но и имеет в виду популяризаторскую задачу – дать на страницах журнала, обращённого к всесоюзному читателю, хотя и сжатое, но по возможности

¹⁰ См.: Галстян, 2020; Головченко, 2017а; Головченко, 2017в; Злыднева, 2010; Мец & Ахвердян, 2011; Нерлер, 2015; Петерс, 2010.

¹¹ См.: Шафранская, 2022; Шуваева-Петросян, 2019.

¹² См.: Галстян, 2019; Головченко, 2017б; Матанцева и др., 2014; Сурат, 2018.

¹³ См.: Асаева, 2009; Багратион-Мухранели, 2015; Кубатъян, 2012; Моранта, 2015; Пенкина, 2020.

¹⁴ См. подробнее: Мандельштамовская энциклопедия, 2017а, сс. 193–198.

¹⁵ Мы придерживаемся концепции Т. Симяна. См. подробнее: Симян, 2019а.

¹⁶ См. подробнее: Vasilyan, 2023, pp. 92–93.

всестороннее, учитывающее весь комплекс специфических черт представление, знание о Советской Армении» (Белый, 1985, с. 147), — как писала Н. Гончар.

Так, например, Белый приводит сведения о географическом положении Еревана конца 1920-х гг.: «Эривань, или город садов, лежит ниже Батума на градус и двадцать минут (40°10'), поднимался более чем на три тысячи футов над уровнем моря; Тифлис¹⁷ оказался в головокружительной пропасти под Эриванью, когда б стоял рядом; меж тем: в отношении к местам обстающим, она – впадина явная, сильно пропитанная испарением Занги¹⁸, покрытая хлопком и рисом, сопутствующим малярии; в июле насыщенный воздух звенит комаром ядовитым и роем невидных moskitov; кто может, спасается в горы из мест лихорадочных» (Белый, 1985, с. 18); пересказывает исторические события и легенды, рассказанные ему его проводником – выдающимся армянским художником Мартиросом Сарьяном: «променада с Сарьяном по старым кварталам была припаданием к векам, пронесшимся над Эриванью с седьмого столетия, взявшего город в анналы и хроники; и Тиридат, кабаном сумасшедшим обёрнутый (местной народной легендой), высывал клык из свиньи подзаборной, которая выглядит... мухой (о сходствах не спорят); и книжник Месроп, составитель алфавита, носом являлся из окон соседнего домика, в образе... Сенекерима Мирзоича, иль Егигше Рафаэлевича, обывателя и прожителя. Поп становился тираном Тиглатом...» (Белый, 1985, с. 33); показывает достопримечательности: «...на круто вздёрнутых, каменно-жёлтых приречных верхах разрушаются каменно-жёлтые стены красивейшей крепости, в синь поднимая свои бастионы: изъеденным краем; построена крепость в XVI веке <...>» (Белый, 1985, с. 18). Легенды и герои, сама история буквально запечатлены на стенах, в архитектуре и ландшафте главного армянского города.

В Ереван Белый едет на поезде, но ещё до того, как он в него въезжает, уже складывается первое впечатление о нем: это город посреди сумасшедшей стройки. Один из главных архитектурно-технических образов – ереванская электростанция – появляется в тексте ещё до того, как Белый въезжает в город. Это должно подготовить читателей к знакомству с Ереваном, разительно отличающимся от того, каким он был до страны Советов. Ереван конца 1920-х – это, в первую очередь, стремительно модернизирующийся и развивающийся город. «Строится новая жизнь», – отмечает путешественник (Белый, 1985, с. 12).

Новый отель, в котором разместили семью Бугаевых (Борис Бугаев – настоящее имя Белого, Клавдия Бугаева – жена писателя) – только выстроенный, «ещё полузаконченный, пахнущий краской малярной» с «просторами пустых коридоров» и «закрытыми дверьми шестидесяти превосходно обставленных комнат» (Белый, 1985, с. 20) – это первая ереванская гостиница «Ереван» (ныне – «Grand Hotel Yerevan») на ул. Абовяна (ил. 1, 2), построенная по проекту Николая Буниатяна:

Четырёхэтажная гостиница кардинально изменила облик города и «стала вполне реальным, буквально ощутимым воплощением столь эфемерного доселе будущего» (Карапетян, 2015, с. 51)¹⁹. К моменту постройки гостиницы ни одно из зданий, спроектированных по плану Александра Таманяна, построено ещё не было.

¹⁷ Современный Тбилиси.

¹⁸ Река Раздан.

¹⁹ Автор выражает огромную признательность персоналу «Grand Hotel Yerevan», и в особенности Ани Шахбазян, за предоставленную информацию и книгу-альбом с архивными фотографиями.

И «Ереван» — самое высокое здание в городе — стал неожиданностью для города: «слишком разноцветным, слишком торжественным и нарядным» (Карапетян, 2015, с. 51). Неожиданностью стали и пункты обслуживания, расположившиеся в первом и подвальном этажах гостиницы: «кухня и кондитерский цех, ресторан и автостоянка, канцелярия и прачечная, парикмахерская и валютный киоск, фотосалон и библиотека» (Карапетян, 2015, с. 51).

Ил. 1. Ереванская гостиница, ул. Абовяна, д. 14. 1930-е.

Источник: <https://www.grandhotelyerevan.com/ru/the-history-of-the-hotel/>

На трёх верхних этажах располагались 68 просторных, хорошо обставленных комнат, 10 номеров люкс, одна комната – общежитие с 15 кроватями. В 1928 году 5 номеров люкс и 36 обычных номеров занимали постоянные жильцы, многими из которых являлись армянские деятели культуры, науки и искусства, вернувшиеся на историческую родину (Карапетян, 2015, с. 59). Таким образом, первая гостиница сыграла важнейшую роль не только в архитектурном преобразовании города, но и в создании нового культурного и социального центра. Она стала пространством, где переплетались идеи и мечты о будущем, местом, которое олицетворяло динамичные изменения в обществе. Это здание стало живым воплощением амбициозных планов по превращению Еревана в современный культурный и политический центр.

Описывая комнаты и удобства в отеле, Белый постоянно использует противопоставления и отрицания, чтобы показать, какие плоды задуманное и осуществляемое в настоящем даст в будущем: «чудесные комнаты *будут* недороги; а *пока* – дороги: платишь – за крышу, *пока* – нет звонков, нет горячей воды, самоваров, прислуги...» (курсив – А. П.–Б.) (Белый, 1985, с. 20). Таким образом, путешественник будто оправдывает дороговизну и отсутствие привычных удобств тем, что все они появятся в скором будущем.

Дороговизна отеля и роскошь «превосходно обставленных комнат» сочетаются с отсутствием элементарных бытовых удобств и низким качеством обслуживания: «какие “горы усилий” ушли в Эривани, прежде чем на столе у нас в номере появился, наконец, кипяток» (Белый, 1985, с. 90) – писала в воспоминаниях Клавдия Бугаева. «Ничего не добьёшься <...>, – жаловался Белый, – записки и письма, отчётливо посланные мне знакомыми, несколько суток валялись пред носом [консьержа]» (Белый, 1985, с. 21); «нет... уборной; чудесные комнаты – декоративное “стойло”, в котором мечтаешь о грязных углах, пусть с клопами, но с чаем и с... ватерклозетом, – не с мерзкой дырой на дворе, пред которой слёт утренний бедных приезжих, из комнат, несущихся по коридорам, как по аравийской пустыне, но во все не к обетованной земле, а к... помойной дыре: под дождём и под пеклом устраивать очередь» (Белый, 1985, с. 20–21).

Ил. 2. Площадь у гостиницы «Ереван», начало 1930-х.
Источник: Карапетян, 2015, с. 66.

В только что отстроенном «конкурирующем своим видом со всеми “Паласами” Запада» отеле не только нет унитаза, но даже кипятка не достать, приходится «метаться по улице круто наклонной, за поиском дальнего, обетованного чая, как будто нельзя завести кипяточка» (Белый, 1985, с. 21). «И мы бегали, – вспоминает Белый, – пересекая проспект Абовяна, в далёкий кофейный район». Однако вскоре оказалось, что «счастье было так близко, – напротив; а вот принести его ... – “ни-эльзя” (передразнивает слова консьержа – А. П.-Б.); наконец появился почтенный усатый Вако, или Сенекерим, или Мкртич может быть, согласившийся на перенос кипяточка чрез улицу; мы бы и сами носили его, если б знали, что рядом он» (Белый, 1985, с. 21). Цитата из «Евгения Онегина» Пушкина – «счастье было так близко» – усиливает комичность ситуации, где жильцы дорогих номеров в центре города вынуждены добывать кипяток в соседних кварталах, потому что его нет и принести его нельзя. «Надо сознаться: две комнаты стоили дороговато нам: десять рублей за сплошное «нэльзя» (в одни сутки)» (Белый, 1985, с. 22). Из отеля семья

Бугаевых в конце концов была вынуждена выехать, не выдержав неудобств: «коль строятся стены, то надо при них строить жизнь с “кипяточком”» (Белый, 1985, с. 22). Армения пусть и стала в первой трети XIX века частью Российской империи, но оставалась на периферии, и к началу XX века Ереван мало чем отличался от неразвитых восточных городов.

Белый тем не менее отмечает временный характер неудобств и неустроенности «в примерном отеле, размаха широкого, *полного завтрашней жизнью, которой пока ещё нет...*» (курсив – А. П.–Б.) (Белый, 1985, с. 21). Путешественника завораживает то, что город живёт будущим, приближает его каждым днём; «осмотр города, всех учреждений его, новый быт, темп его насаждения есть сказка; и даже колонный антрэ при дыре выгребной очень яркий момент, потому что теперь Эривань – бивуак разбиваемой жизни; не требуйте самых обычных удобств от неё; она вся вылезает из старых развалов сложением фундаментов, или «антрэ»; всё засыпано мусором; всё прозяло растреском, в котором сидит скорпион; всё в известке сегодняшней, красящей» (Белый, 1985, с. 22). Да, Ереван – не новый город, появившийся на расчищенном месте, ему более двух тысяч лет, но это город, который из своего прошлого строит будущее, перестраивается, буквально возрождается.

Ереван – город, не знающий сна и покоя, в нём все работают, все куда-то бегут. Это город, в котором «не найти... комнат: всё – густо набито» (Белый, 1985, с. 20). Тут, в отличие от Тифлиса, «ни на кого не глядят, но бегут, и кричат, рот раздран, перекрикивая быстролётную воду канальчиков» (Белый, 1985, с. 28). Главный проспект города, «разрезающий город от сада до взгорья», вечерами набит «густою и громко кричащей толпой; все – бегут, и кричат, и руками махают: армяне, татары и турки, и персы, и русские». В городе живут люди разных национальностей, конфессий, религий – и в этом тоже заслуга Советской власти: «в 21 году Обнародован был в Эривани декрет, призывающий беженцев в город вернуться» (Белый, 1985, с. 20).

Несмотря на атеистическую идеологию Советского государства, в Ереване практика разрушения культовых построек пока не распространилась – «и пухло изгибистый купол мечети торчит кое-где; он – персидский» (Белый 1985, с. 19). Обращает внимание Белый и на большое количество женщин на улицах. Многие пока «в белых чадрах (и без чадра), в чёрных платьях, монашенок напоминают» (Белый, 1985, с. 27), однако всё чаще «скидывают снеговую чадру, ещё часто мелькающую среди улиц» (Белый, 1985, с. 19), что говорит о стремительной европеизации города: «здесь новая жизнь бьёт ключом, поднимающим в степи сухие свой радостный лозунг» (Белый, 1985, с. 25). Таким образом, Ереван 1920-х – современный быстроразвивающийся город на границе Европы и Азии.

Белый не раз описывает свои впечатления от созерцания города сверху: «на вышке стоим; над обвалом пространства проходим по малым бетонным площадкам и верхом канала скрываемся в зелени; темени неба, в себе растворив Арапат, робко искрятся; а Эривань встала звёздным заливом – из очерка тёмных каньонов» (Белый, 1985, с. 38). Ему приятно «видеть упавшую лестницу улиц с открытия верха, оборванного пред чудовищным конусом, в небе приподнятым» (Белый, 1985, с. 28). Разумеется, главной и буквально самой выдающейся частью города является Арапат. Он явственно присутствует в городе, является частью городского пейзажа, частью каждого двора: «тысячелетья в лазурьях висят, патриарх Арапат из-за тучи вперился в нас, или в Сенекерима, или в сорную яму соседнего домика; он отовсюду высовывается; везде исчезает, упавши за стену, за холмики,

за толстостволое дерево» (Белый, 1985, с. 28). Арарат не просто гора, это «важнейший архетип национальной идентичности» (Степанян & Симян, 2016, с. 6).

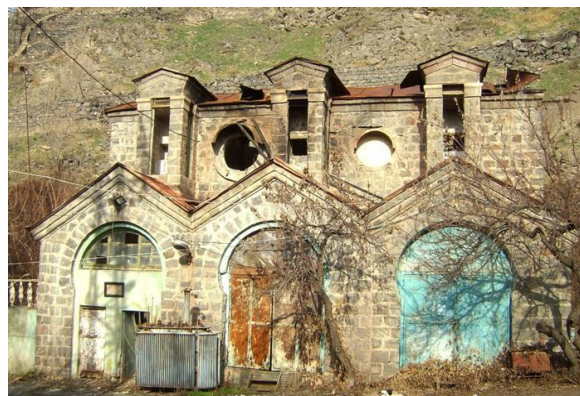
Главный проспект Еревана будто берёт начало с Арарата, поднимается от него – или же «падением стен, зеленей и мечетей, таких пестрокупольных, ниц перед снеговой громадой, отнявшей треть неба, и серебро-розовой, с трещиной синей ущелья, которым разорвано тело» (Белый, 1985, с. 34) скатывается к нему, и «Эривань, осуждённая более тысячи лет унижаться пред жизнью гиганта; не выдержав этого – падает» (Белый, 1985, с. 35). Арарат – свидетель тысячелетий истории Еревана, он связывает настоящее с историческим прошлым. Глядя на город со смотровой площадки, путешественник осматривает его как бы с двух перспектив: город современный, выросший на месте буквально вчера – и город исторический, существующий уже сотни тысяч лет. Даже «громадный попище» в дверях небольшой церкви «трясёт бородинцею, – точь-в-точь такую, с какими ходили жрецы вавилонские» (Белый, 1985, с. 28).

В очерке недвусмысленно противопоставляется Ереван до и при Советской власти. При кажущемся сходстве – и тогда, и теперь город в развалинах – разница принципиальная: до 1920-х город древний город был в развалинах от бедствий и разрушений, но развалины конца 1920-х – это развалины стройки города будущего, города для жизни: «теперешний стиль Эривани – развалины в очерках ещё не зданий, – а стен: в одном случае крыш уже нет; в другом – нет ещё» (курсив – А. П.–Б.) (Белый, 1985, с. 23). Белого восхищает город именно в таком состоянии в процессе перерождения, ведь, с его слов, «шероховатости жизни сознательно в нём продиктованы волею к коллективизму, согретою радостью» (Белый, 1985, с. 23). До революции в Ереване «кроме коньячного и пивоваренного производства, кустарно-ремесленных промыслов, двух-трёх заводиков, не было здесь никаких предприятий» (Белый, 1985, с. 24); город *«теперь <...> всё ж выглядит чисто; и вся в электричестве; есть тротуары; расчищены сети каналов; окончен канал, отводящий прохладную влагу до Эчмиадзина; другие же – роятся; новая электростанция щедро снабжает энергией ряд предприятий»* (курсив – А. П.–Б.) (Белый, 1985, с. 24).

«Чудесной» гидроэлектростанции Александра Таманяна (ил. 3, 4), «источнику света и сил» (Белый, 1985, с. 25), «чуду изящества и простоты» (Белый, 1985, с. 12) посвящено значимое место в тексте. Её строительство началось в 1923 году, и в 1926 она уже была введена в эксплуатацию. По своей мощности она превзошла все имевшиеся на тот момент электростанции Еревана. Это не только чудо техники и следствие модернизации города и Армении вообще. С одной стороны, электростанция – это символ снизошедшего на город и страну света и энергии, в своём роде божественных: «мысль осеняет одна: кипятятся энергии, перерождающие всю действительность края» (курсив – А. П.–Б.) (Белый, 1985, с. 37). Таманян, тем не менее, не отказывается от древности, он смог органически соединить «дух инженерии с духом архейским!» (Белый, 1985, с. 36).

С другой стороны, это символ единства природного и рукотворного: «к горе привалясь рябоватой, рябя, как кофейным зерном, цветом сложенного диковатого камня, вполне незаметно, но прочно растёт, как из почвы, прекрасное здание: – Электростанция» (курсив – А. П.–Б.) (Белый, 1985, с. 36); «все технические её части даны в концентрации, в малом пространстве и в формах, как бы органически выросших в почве» (Белый, 1985, с. 12). Таманян не построил электростанцию, скорее она сама выросла из земли и гор под его присмотром. Об этом же писал сам Таманян: «В общей композиции архитектурных сооружений гидростанции я пытался

использовать методы древней армянской архитектуры и местные строительные материалы (базальт). Необходимость композиционной увязки объёмов сооружений и плоскостей их фасадов с базальтовыми скалами ущелья диктовали самые элементарные формы и грубую обработку камня. Обогащающими элементами сооружения явилась башня с электрическими часами, черепичная крыша, потоки воды и обилие зелени» (Таманян, 1935, с. 3).

Ил. 3, 4. ЕрГЭС-1.

Источник: Первая гидроэлектростанция Еревана. К 140-летию со дня рождения Александра Таманяна. Источник: <https://style.news.am/rus/news/46207/pervaya-gidroelektrostantsiya-erevana---k-140-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-aleksandra-tamanyana.html>

Связь природного и искусственного в образе Еревана не раз подчёркивается Белым в очерке. Город – это часть ландшафта, естественное продолжение окружающих его гор, рек, растений: «склон города – путаница плоскокрышая улочек, с дальнего склона являющая вид руины ступенчатой лестницы к рывтинам Занги» (Белый, 1985, с. 19); «выше города – ряби могил очень голого верха; за ним – снеговой Алагез²⁰; ниже – падает город на Зангу; везде, отовсюду, над всем – араратский массив» (Белый, 1985, с. 20). Говоря о естественных каменных образованиях вокруг Еревана, Белый сравнивает их с выстроенными человеком дворцами: «Занга глубоким каньоном вырезывает вокруг города мощи базальтовых, столбчатых стен, *точно стены дворцов*, первозданно изваянных в многоколонники» (Белый, 1985, с. 18). Всё в городе живёт в гармонии: люди и природа, стены и горы, крыши и небо. Всё – часть целого: «выходим – уныриваем в переулочки; тут – натываемся: на перекрёсток, на ослика, на колоннаду, ворота с развёрнутой композицией дворилов, перетененье веранд из-за жёлтых цветов барбариса; а линии крыш поднялись в розовеющий воздух – бело и утончённо» (Белый, 1985, с. 32). Ереван, несмотря на своё расположение и климат, довольно зелёный город, и первое, что видит путешественник, подъезжая к городу – набегающие «зеленые заросли Занги под уклоном садов» (Белый, 1985, с. 18). Грандиозная стройка, развернувшаяся в городе, не разрушает природу, но напротив – помогает ей ещё больше расцвести.

Архитектура города повторяет главные линии и паттерны окружающего ландшафта: «морщя склона, бросающаяся в зелень, – в ней тонет; она – вырезная, иль кожисто крепкая, обнесена сбросом чёрного, белого, красного камня, являющим шашки орнамента; им наряжаются новые стены построек, отбросивши белую мазь,

²⁰ Алагез, Алагяз – тюркские названия горы Арагац.

занесённую, видно, из Персии... кубы домов, как чадру, набеленность отбрасывают, появляясь в силе природного цвета» (Белый, 1985, с. 19). Подобные горам, «армянские церковки, малые ростом, – врезаются в небо с возвышенных мест» (Белый, 1985, с. 20). Александр Таманян, перестраивая город согласно генеральному плану 1924 года, не переделывает город насильно, напротив, он помогает восстановить то естественное, что было замазано, заколочено, скрыто под слоем краски, пыли, крови. Таманян, «пришедший работать в Армению, с планами нового города, уничтожающего часть старинных кварталов, проводит по-новому лозунги древнеармянского стиля» (Белый, 1985, с. 23), использует материалы, которые находятся буквально под ногами, пренебрегая бетоном, который так популярен в строительстве.

Архитектура восточного города перестраивается, его уникальный облик утрачивается, и Белый сперва отмечает чувство тоски по уходящей эпохе: «кривули закоулков, растрески стенные (ведь 200 домов подпираются брёвнами, как костылями), с резными террасами и подворотнями, с зарослью мощных кустов на распавшихся крышах, с которых бельё полоскается, – те кривули пожалеешь: снесутся; исчезнет археологический и эстетический очерк персидского города» (курсив – А. П.–Б.) (Белый, 1985, с. 22). Однако тут же он утверждает: «трезво же подумав, не станешь жалеть: *на развале уж новый фундамент сидит*; поднимаются стены без крыш (стены – *будут*); недавний стиль зодчества – новоармянский, тяжёлый и вымученный, или то – ренессанс, не калечащий местный ландшафт, явно ладящий с ним: дома эти – оранжевых, розовых, серо-ореховых колеров, с белой лепкой; прекрасны постройки Таманова, сложенные из цветов необмазанной почвы, с заострённой крышей из черепицы, поладившие архаической формой с теперешним веком; «тамановский» стиль, *поднимающий будущее* и умело являя в нём староармянское зодчество, *строит картину великого “завтра”*» (курсив – А. П.–Б.) (Белый, 1985, с. 22).

Не стоит жалеть развалин древнего города, ведь на его месте растёт новый город будущего; жизнь побеждает неустроенность и смерть. Гений архитектора Таманяна в том, что он сумел органически построить новый город так, чтобы он, с одной стороны, отражал черты национальной культуры, а с другой, создавал иллюзию древнего города, который будто не построили вновь, но откопали и сделали пригодным для жизни современного общества. Всё дело в том, что, «строя Ереван будущего, он (Таманян) обращался не ко вчерашнему прошлому, как думали пролетарские архитекторы, а заглядывал в гораздо более ранние времена» (Абрамян, 2023, с. 42).

Для реализации проекта города-сада были снесены не только старые глинобитные дома (ил. 5), но и средневековые церкви, памятники истории и архитектуры (ил. 6, 7, 8), ведь согласно Таманяну, «ритуальный город» должен был сперва превратиться в город, затем – в столицу (Vermishyan & Barseghyan, 2022, p. 159).

Так, «великий архитектор и семиотизатор» (Степанян & Симян, 2016, с. 7), Таманян «разрушил средневековую часовню, чтобы построить на её месте своё знаменитое здание Театра оперы и балета»²¹ (Абрамян, 2010, с. 248). Ереван, город древнее Рима, уже в первой половине XX века – город без древностей. Декларируемая древность города – «память на уровне слова» (Абрамян, 2010, с. 249) – противоречит строительной практике, которая «всегда была направлена против сохранения истории города», где подавляющее большинство старых построек, «как правило, полностью перестраиваются» (Абрамян, 2010, с. 248).

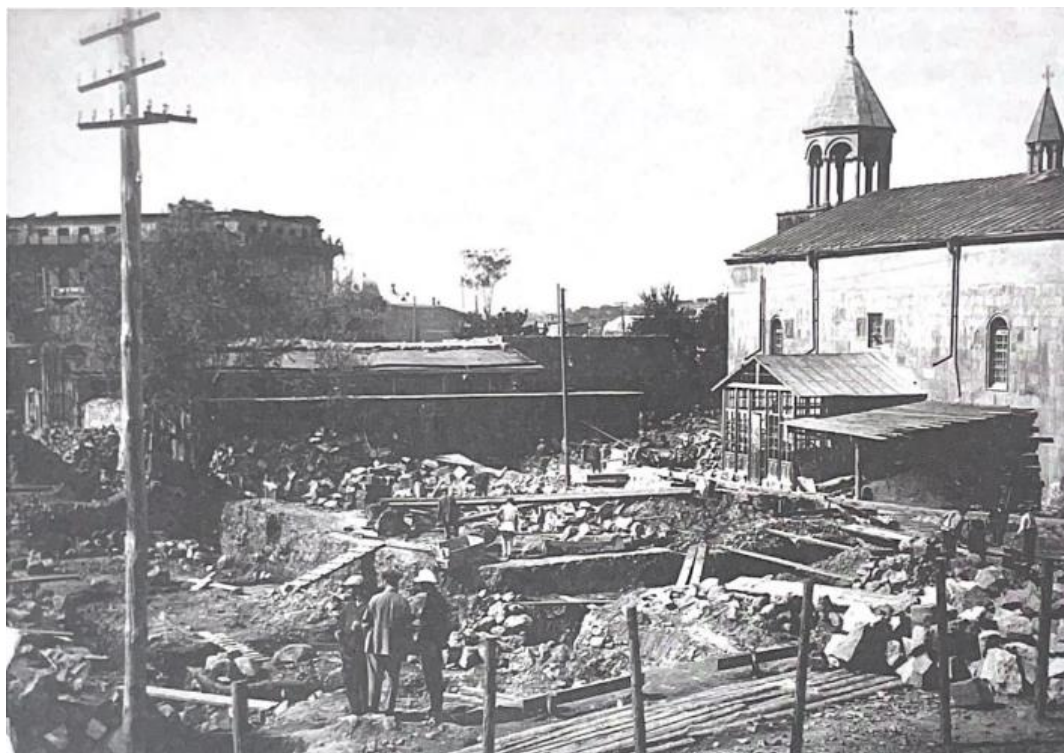
²¹ См. подробнее: Абрамян, 2023.

Ил. 5. Улица Саят-Нова, 1923.
Источник: <https://www.radiovan.fm/station/article/8368>

Ил. 6. Церковь Погос-Петрос на месте кинотеатра «Москва» на площади,
примыкающей к гостинице «Ереван», 1930-е гг.
Источник: <https://www.radiovan.fm/station/article/8368>

Ил. 7. Церковь Погос-Петрос на месте кинотеатра «Москва» на площади, примыкающей к гостинице «Ереван», 1930-е гг.
Источник: (Карапетян, 2015, с. 60).

Ил. 8. Персидская мечеть на месте кинотеатра «Москва» на площади, примыкающей к гостинице «Ереван», 1930-е гг.
Источник: Карапетян, 2015, с. 60.

Новый монументально-неоклассический стиль Белый называет «ложно-армянским»: «[Сарьян привёз] к зданию музеев (картинного, литературного, этнографического), т. е. к грузному зданию ярко-коричневых колеров, белоколонному, с нишами, как все конструкции ложно-армянского стиля, которых здесь много» (Белый, 1985, с. 30). Таманян пытается стилизовать новый город под армянский, но является ли он таковым на самом деле?

Сквозь весь очерк, написанный Белым на заказ, недвусмысленно проносится идея о том, как замечательно изменилась жизнь Армении при Советской власти. Построенное не при Советской власти не интересует Белого, он явно даёт понять, на чьей стороне его предпочтения. Так, он отказывается от экскурсии по коньячному заводу: «не хочется: он развивался при *старом* режиме; а мне интересны: природа, строительство *новой Армении*, даже развалины многостолетние, – вовсе не «старый режим»; отправляемся не на коньячный – на хлопковый; начали строить его в 23 году» (курсив – А. П.–Б.) (Белый, 1985, с. 56). Примечательно, что писатель будто оправдывается за интерес к древностям тем, что они к дореволюционной имперской России отношения не имеют.

Очерк Белого – гимн Советской власти. Это выражается не только недвусмысленными заявлениями, типа: «всё это – плод достижений Советской Армении» (Белый, 1985, с. 25), но и в том, что это поэтический текст, написанный прозой. Белый активно использует инверсии, скрытые рифмы, необычные метафоры и эпитеты, ряды однородных членов и повторы, риторические приёмы; ритмическая стилизация под гекзаметр создаёт впечатление о тексте как о переводе с древней поэмы.

Таким образом, создаётся романтический образ города и государства. Армения, как и другие республики нового Советского государства – своего рода витрина для сомневающихся и неверующих в благотворное и спасительное влияние Советской власти: «здесь, на окраинах видишь размах СССР – не в Москве, где советские барышни треском машинок проекты строчат; их действительность вовсе не в давке трамвая московского, а например, в Эривани, где нет и помину трамваев, где треск ремингтонов есть радостный говор о явно приподнятом будущем» (Белый, 1985, сс. 23–24). Ереван – это не просто столица, но символ победы Советской власти над временем и хаосом, над старым и неустроенным, символ возрождения и перерождения. Вместе с тем Советская власть не принесла в Армению что-то искусственное, не насаждает ничего чуждого, она лишь помогает армянскому народу обрести то естественное, чего он был лишён и не мог добиться сам: «отовсюду летел на меня этот радостный вздох про работу народа, столетия, изголодавшегося без неё» (Белый, 1985, с. 24). Это типичная колониальная риторика, и следы колониализма представлены, в том числе, в том, как переустраивается город, начиная с названия улиц – «выдернулась из-под шин Абовянова улица, улицей Ленина ставши²² и ряд европейских построек неся мимо нас» (Белый, 1985, с. 39) – и формальных символов власти, таких как растяжки и звёзды на зданиях, которые одним своим наличием способны преобразить уродливое старорежимное: «очень нелепый собор (цвета дичьего сыра), украсился очень большой пентаграммой (кажется, – клуб комсомольский)» (Белый, 1985, с. 39).

²² Улицей Ленина стал проспект М. Маштоца, см.: Степанян, Симян, 2012; однако Белый тут имеет в виду, что улица Абовяна перетекла в улицу Ленина.

Итак, Ереван в очерке Белого предстаёт как город, сочетающий в себе древнее и современное, старое и новое, рукотворное и природное. Это город контрастов.

С одной стороны, это восточный город с богатой историей, образы развалин старых крепостей и мечетей напоминают о былом величии и трагедиях, которые город пережил. С другой стороны, Ереван – современный город, он активно движется вперёд, модернизируется и развивается; новые здания и дороги, каналы, электростанции и предприятия свидетельствуют о значительном прогрессе. И всё это, как постоянно подчёркивает Белый, благодаря Советской власти. Часто повторяется мотив строительства новой жизни, возрождения из руин. Гармоничное сочетание древнего и современного нашло отражение в новом архитектурном стиле Еревана: выдающийся архитектор Александр Таманян смог учесть особенности местности и её ресурсы.

Ереван конца 1920-х годов – город, победивший смерть и запустение, город пёстрых красок и пряных запахов, всевозможных текстур и ярких впечатлений. Это город инженеров и деятелей искусства. Переполненные проспекты, шумные толпы вечно кричащих, куда-то бегущих людей разнообразных культурных и этнических групп создают живой и динамичный образ города на границе Европы и Азии.

Ереван – это город великих достижений в инженерии и искусстве, но и, одновременно, город, где не хватает элементарных вещей. Бытовые неудобства и сложности повседневной жизни создают реалистичный образ города. Белый не стремится идеализировать всё, вместе с тем постоянно повторяется мысль о временном характере неудобств. Путешественник способен разглядеть и в неустроенном настоящем что-то прекрасное.

Наряду с техническими достижениями значительное место занимают описания природы. Ереван – это «город садов», в нём модернизация не уничтожает и не эксплуатирует природу. Описания зелёных зарослей, садов, величественных гор, Арарата, перед которым будто склонился Ереван, реки Раздан, вырезающей вокруг города каньоны, подчёркивают географическую уникальность и тесную связь природы с городом, помогают создать поэтическое изображение города.

б) Образ Еревана в «Путешествии по Советской Армении» М. Шагинян

Еревану в книге Мариэтты Шагинян отведена отдельная большая глава. Ранее это был пыльный губернский город с узкими грязными улицами, глинобитными домами и частыми пыльными бурями. Точнее, Еревана «ещё не было вовсе. На месте его был совсем *другой*» (курсив – А. П.–Б.) (Шагинян, 1950, с. 132) город. Так Шагинян начинает рассказ о Ереване: с противопоставления его нынешнего тому, каким город был до прихода Советской власти. В этом заключается истинная цель книги, предметом повествования которой является «*социалистическое строительство в Армении*» (Богачева, 2010, с. 134), – показать, насколько в лучшую сторону изменилась жизнь при Советской власти, какого культурного и экономического прогресса достигли республики, которые стали её частью (заметим в скобках, что не все республики, в том числе Армения, вошли в состав Советского государства добровольно, а развитие происходило часто не благодаря, а вопреки).

Так, тот старый, *другой* город, как пишет Шагинян, раньше «был классическим примером бездорожья» с единственной дорогой, ведущей из Араратской долины в сторону Севана; «на улочках было тесно и грязно. Никто их не подметал»; «с гор

неслась тучами мелкая, щебнистая, колючая пыль; с улиц столбом поднималась пыль своя, городская, полная мусора, бумажонок, нечистот. И всё это крутилось, плясало в воздухе, забивало ... глаза и рот, хрустело на зубах»; в этом городе не было воды, вода в арыках была засорена и непригодна для использования; город был не застроен и больше напоминал загородную свалку. Кроме того, ресурсы города «не использовались ни медициной, ни наукой, ни искусством», а его проблемы не решались «ни наукой, ни благоустройством» (Шагинян, 1950, сс. 132–133).

«А сейчас...» – так писательница обозначает композиционно-смысловую границу между *другим* городом и тридцатилетним Ереваном. Сейчас Ереван преобразился.

Во-первых, и «прежде всего» (Шагинян, 1950, с. 133), – горы вокруг города перестали быть песчаными, стали зелёными. Это произошло благодаря планомерному высаживанию из года в год на склонах «всевозможных саженцев, приспособленных к местному климату. Они крепко внедрились корнями в почву, укрепили ее, покрыли зеленой шапкой, – и канакерскому ветру нечего больше сдувать с этих гор на город» (Шагинян, 1950, с. 133). Так были побеждены песчаные бури, засыпавшие город – и «Ереван стал городом зелени» (Шагинян, 1950, с. 135), как и замышлял Таманян (Vermishyan & Barseghyan, 2022, p. 159). Отметим в скобках, что после 1990-х годов многие зелёные насаждения были вырублены.

Во-вторых, город стал чистым и благоустроенным, улицы города заасфальтированы, а городские проспекты широкие и современные, «они бегут, извиваясь асфальтом, мимо новых цветущих посёлков», «вверх в волнистые ущелья гор, и вниз в нескончаемые сады – равнины» (Шагинян, 1950, с. 133). Глинобитные дома сменили «нарядные» домики с двускатной крышей, «крытые красной черепицей» (Шагинян, 1950, с. 133), построены новые школы, заводы, правительственные и общественные здания, жилые дома, театры, библиотеки, здания институтов. Стихийно образовавшийся восточный город превратился в расчерченный, «построенный из особых, текстурных пород камней», город, соединивший «древние традиции армянской архитектуры с логистикой, инфраструктурой и комфортом городов первой половины XX в.»²³ (Маргарян, 2021, с. 47).

Приезжающие в новую, Советскую Армению, «поражаются экономическими переменами в ней»: «*вместо* древней сохи, в которую впряжено было несколько пар волов, ходит трактор по выхоленным полям; ...*вместо* ремесленных лавочек вокруг грязного базара – огромная, мощная промышленность на собственной электроэнергии, целые комплексы заводов: химических, машиностроительных, механических, пищевых, текстильных; *вместо старого* «глхатуна» [ратуша], чёрной норы в земле со входом, подпёртым двумя очищенными от сучьев кривыми столбами, – двухэтажные каменные дома колхозников, обставленные по-городскому» (курсив – А. П.–Б.) (Шагинян 1950, с. 149).

Шагинян часто использует противопоставления, чтобы подчеркнуть, насколько сильно изменился Ереван. Тот, *другой* город, был маленьким и тесным, ему, «казалось, совершенно некуда развиваться» – «*но сейчас* в новом, большом столичном городе Ереване появилось очень много пространства, его проспекты

²³ Однако после 1990-х Ереван, «построенный по единому, математически выверенному плану, где каждая архитектурная деталь, каждый завиток орнамента имели смысл и были легитимированы тысячелетиями» (Маргарян, 2021, с. 48), захлестнула волна хаотичной застройки и «нахалстроя», центр города захватили стекло и бетон, зелёные зоны были вырублены. Город стал неудобным, некрасивым. См. подробнее: Маргарян, 2021.

широки, как в лучших мировых центрах, его площади обширны, а в то же время открылись и новые возможности для его дальнейшего роста» (курсив – А. П.–Б.) (Шагинян, 1950, сс. 134–135). Говоря об отсутствии дорог и транспорта, Шагинян пишет: «Только десять лет назад я ехала тут в самом примитивном экипаже человечества – в крестьянской арбе, везомой быками, потому что иным способом проехать по этой дороге было нельзя» – «А сейчас сюда идёт трамвай: он идёт по блестящему асфальту широкого проспекта Орджоникидзе, обстроенного огромными домами, парками, общественными зданиями, самого городского, самого крупного проспекта в городе» (курсив – А. П.–Б.) (Шагинян, 1950, сс. 133–134). В книге много фотографий, две из которых представлены ниже (ил. 9, 10).

Ил. 9, 10. Старый Ереван и Ереван 1950-х.
Источник: Шагинян, 1950, сс. 144–145.

Архитектура Еревана также преобразилась. Современные здания построены из местного цветного камня – туфа, они функциональны, красивы, соответствуют потребностям растущего города. Писательница буквально проводит читателей по фабрикам и музеям, заглядывает в помещения университетов и внутренние дворы зданий.

Шагинян не только рассказывает о знаковых строениях и материалах, архитекторах и стилях, но приводит целую периодизацию истории современной армянской архитектуры, даёт ей оценку. Так, в первые годы была построена Ереванская ГЭС «из армянского камня, в стиле древней классической армянской архитектуры», однако с 1927 года «развёртывается бурная дискуссия среди архитекторов; молодёжь справедливо восстаёт против стилизации под древность, против насаждения элементов церковных форм в советских зданиях», а с середины 1930-х начинается «период исканий», ведь «в основе армянской архитектуры должна быть положена национальная форма», однако нет консенсуса, где и как её искать: в архитектуре раннего средневековья, Золотого века армянской культуры (V в.) или в светской архитектуре культурного наследия города Ани, бывшей столицы Армении (XII–XIV вв.) (Шагинян, 1950, с. 158).

В последующем издании «Путешествия...» Шагинян дописала: «Но самым лучшим учителем армянских архитекторов оказалось растущее народное богатство, растущая советская культура города и деревни, рост техники строительства и стройматериалов, – те материальные условия, которые неизбежно начали переводить отвлечённые рассуждения о стиле и форме в живые, непрерывно создаваемые элементы формы

и стиля. Массовое развитие художественных стел – родников, непрерывные заказы на колхозные дворцы-клубы, на индустриальные стройки, на городские жилые дома, осуществление больших ансамблей, работа над малыми формами – оградами, вазами, лестницами и т. д. – всё это дало архитекторам большой опыт и помогает вести отборку лучшего и худшего, удачного и неудачного» (Шагинян, 1972, сс. 569–570).

Таким образом, по мнению автора, развитие современного архитектурного стиля также обязано Советскому государству, его политике и экономике. Ереван занимает в этом смысле важное место, ведь «создание новых кадров, воспитание их, обучение их происходит в самом Ереване, в своём вузе, на своей архитектурной кафедре, руководимой собственными большими специалистами» (Шагинян, 1972, с. 570). Там же Шагинян отмечает изменившуюся роль женщин в обществе, ведь они появились и в архитектурных мастерских: «они создают проекты, строят; и фигурки в синих комбинезонах появились там, где их никогда не было, – на зыбких площадках и лесах многоэтажных зданий» (Шагинян, 1972, с. 570). Этого фрагмента в первом издании также не было.

Раскрыть «всю полноту и все величие архитектурного стиля Еревана» (Шагинян, 1950, с. 131) помогает и природа вокруг, горы-символы Арарат и Арагац. Новый зелёный город удивительно сочетается с величественными природными пейзажами, и Шагинян называет Ереван одним «из наиболее органичных по стилю городов в нашем Союзе» (Шагинян, 1950, с. 131). Но таким город стал не вдруг – и на это обращает внимание Шагинян в последующем издании текста: «не сразу состоялось волшебное превращение грязного губернского городишки в передовой центр социалистической республики. <...> Но чтоб вырос город в нашей стране, как вырос Ереван, коммунистам Армении вместе со всей коммунистической партией, вместе со всеми советскими людьми нашего необъятного Союза пришлось много, много потрудиться» (Шагинян, 1972, с. 525). Шагинян отмечает важность развития всех республик в составе Советского государства, а также вклад Советской власти в строительство Советской Армении и нового Еревана.

Современный для Шагинян Ереван – это центр культуры и искусства, которые некогда были потеряны для армянского народа. Теперь же, «возрождённый к жизни, освобождённый народ находил свою культуру, осознавал ее звенья» (Шагинян, 1950, с. 137) – и всё это также благодаря Советскому государству. В позднем издании, чтобы поддержать эту идею, Шагинян дополняет текст разделом о новой интеллигенции, взращённой Советской властью, которая «день за днём, месяц за месяцем закладывала материальные основы новой, великой культуры» (Шагинян, 1972, с. 529). Новая великая культура – советская, социалистическая – противопоставляется древней культуре Армении. Шагинян не отказывается от богатой истории и древней культуры армянского народа, но трактует её как культуру, которая многое не смогла сохранить и/или создать, и разрушалась/не могла сохраниться оттого, что не была коллективной, массовой, не была частью государственной политики. Армянской литературе более тысячи лет, «но лишь в советское время армянская литература, как подлинная народная литература, расцвела по-настоящему» (курсив – А. П.–Б.) (Шагинян, 1950, с. 158), – утверждает писательница. Шагинян пишет подробно также про музыку, театр, живопись – и каждый раз оказывается, что «только с советского времени рождение национального искусства как такового» (курсив – А. П.–Б.) (Шагинян, 1950, с. 159) стало возможным в Армении.

Ереван же как столица Советской Армении – колыбель нового, истинно национального искусства и культуры.

Большое внимание Шагинян уделяет тому, как систематизируется и сохраняется культурное наследие Армении. Теперь оно доступно для широкой общественности – тогда как раньше ценные экспонаты были разбросаны по частным коллекциям или вовсе не считались чем-то ценным. Но и в случае, когда отдельными энтузиастами собирались коллекции, альбомы армянского искусства, «несмотря на такой отбор, эти собрания и коллекции не создавали *национального* музея, не давали представления о живом *национальном* искусстве» (Шагинян, 1950, с. 151), – утверждает Шагинян. Теперь же в Ереване построены целые музейные комплексы, которые сами по себе являются образцами архитектурного искусства.

Шагинян будто переосмысляет понятия «национальная культура», «национальное искусство», которые только тогда национальны, когда являются продуктом коллективного труда. В Советской Армении, по словам Шагинян, «творцы перестали быть одинокими, они вошли в союзы архитекторов, актёров, музыкантов, писателей, художников. Ценности, разбросанные по частным лицам, собраны были в музеи. Выросли здания театров, библиотек, школ. И вокруг больших мастеров поднялись молодые, талантливые коллективы, сильные уже не своей одинокой творческой индивидуальностью, не своим накопленным опытом, не передачей традиций, а ярким чувством единства, совместности, общности, кровного родства с народом; их постоянное чувство нового, постоянное продвижение вперед, радостное утверждение жизни – в счастливой опоре на коллектив, без которого они уже не могут полностью себя раскрыть» (Шагинян, 1972, сс. 529–530). Шагинян акцентирует внимание на том, что значимость коллектива стала центральной для армянских творцов, коллективный труд позволяет им раскрыться полностью – что противопоставляется прежней изоляции, где люди искусства и науки полагались только на свои индивидуальные способности, традиции, помощь меценатов. Теперь же даже архитектура в Армении – «всемирное дело» (Шагинян, 1972, с. 570). Приведённые выше два последних фрагмента отсутствуют в издании 1950 года, но отражают идеологические настроения 1930-х, когда творческая жизнь в Советской Армении рассматривалась как неотъемлемая часть общего социалистического прогресса и коллективного духа.

Идеи о создании нового типа человека, характерные и для советской риторики, также нашли отражение в тексте «Путешествия...». Шагинян пишет не только о внешних изменениях в Ереване, но и о «внутренней перемене», которая «касается не только материального бытия народа, но и философии этого бытия, – народного самосознания, того, как сам народ осознал себя» (Шагинян, 1950, с. 149). Заслуга Советской власти не только в том, что при ней отстраиваются новые города, государственные институты, развивается экономика и культура (по утверждению Шагинян) – но в том, что она смогла создать человека нового типа. В поздней дополненной версии книги Шагинян с гордостью пишет: «Свою новую, блестяще одарённую молодую интеллигенцию воспитал армянский советский народ» (Шагинян, 1972, с. 535). Таким образом, противопоставляется человек советский и человек не-советский.

Итак, Ереван в «Путешествии по Советской Армении» М. Шагинян – это активно развивающийся город – пример социалистического строительства, в котором тесно переплелись материальные и культурные достижения страны Советов. В городе активно развиваются искусство, наука, архитектура и литература. Шагинян

часто пользуется противопоставлениями, чтобы подчеркнуть достижения Советского государства в Армении, показать контраст между древней и новой молодой советской культурой. Противопоставляются не только старый и новый Ереван, но и Ереван настоящий с Ереваном фантомным, существующим на планах и в фантазиях архитекторов, строителей, писателей: «вместо воображаемого “города будущего” посмотрим сейчас на самый город, каким он стал трудом и волею большевиков за истёкшие три десятилетия» (Шагинян, 1972, с. 522). Так автор подчёркивает процесс трансформации и прогресса, демонстрируя, как Ереван и Советская Армения из мечты стали реальностью.

В основе путевого очерка – «функциональная ориентация автора на исследование социально-политической и общенациональной ситуации в эпоху социалистических преобразований» (Богачева, 2010, с. 136), которая, однако, не лишена идеологической ангажированности. Писательнице удалось создать образ города и страны – символ эпохи социалистического строительства и показать нового советского человека, однако шаблонность, излишняя патетичность, односторонность изображаемого ограничивает глубину и реалистичность повествования. Главное чувство, которое испытывает писательница на протяжении всего путешествия – это чувство восхищения, поклонения перед достижениями нового государства и нового народа. Исследовательница Е. Богачева определяет «Путешествие...» как «неопаломничество» (Богачева, 2010, с. 138), где сакральным является новая советская культура.

с) Образ Еревана в «Путешествии в Армению» О. Мандельштама

В отличие от текстов А. Белого и М. Шагинян, в произведении О. Мандельштама нет отдельной главы, посвящённой Еревану. Кроме того, «Путешествие...» Мандельштама включает в себя главы, посвящённые не только собственно путешествию по Армении (главы «Аштарак», «Алагез», «Севан»), но и жизни, мыслям и впечатлениям до путешествия (главы «Ашот Ованесьян», «Сухум») и после него (главы «Москва», «Французы», «Вокруг натуралистов»). При том в тексте «Путешествия...» главы расположены не в хронологической последовательности: произведение начинается на Севане и кончается на склонах Арагаца, т. е. Армения и «армянская» тема как бы окаймляют текст, цель которого не туристические зарисовки, а «воскрешение» действительности (Мандельштам, 1999б, с. 149).

Впервые Ереван упоминается в первой главе «Севан» в связи с ереванским музеем. Оказавшись случайно на раскопках «кувшинного погребения древнейшего народа Урарту» «на длинной и узкой косе Самакаперта», Мандельштам вспоминает, что видел подобный «скрюченный в сидячем положении скелет, помещённый в большую гончарную амфору, с дырочкой в черепе, просверлённой для злого духа» ранее «в эриванском музее» (Мандельштам, 2010, с. 309). Там же Мандельштам познакомился с ереванским профессором, археологом, «крупнейшим специалистом по истории и клинописи государства Урарту» (Мандельштам, 2010, с. 673) Асатуром Хачатурьяном, «с лицом, обтянутым орлиной кожей, под которой все мускулы и связки выступали перенумерованные и с латинскими названиями» (Мандельштам, 2010, с. 307); с «жизнерадостным химиком» (Мандельштам, 2010, с. 308), профессором Ереванского университета, медицинского, педагогического, зооветеринарного институтов Степаном Гамбаряном; с юристом, депутатом 2-й и 3-й Государственных дум от партии «Дашнакцутюн» Иоанесом Сагателяном, который

в числе прочего в правительстве АрмССР «занимался природоохранной деятельностью, в частности лесопосадками в окрестностях Еревана» (Мандельштам, 2010, с. 674). Таким образом, складывается впечатление о Ереване как о научно-культурном центре Армении, из которого учёные едут исследовать страну – и в котором собираются плоды этих исследований.

Примечательно, что следующая глава названа именем армянского академика, историка Ашота Ованесьяна и начинается с описания Института народов Востока в Москве, в котором тот работал. С Ованесьяном, «пожилым человеком с деспотическими манерами и величавой осанкой» (Мандельштам, 2010, с. 312), Мандельштам встретился в Москве после путешествия. Таким образом, Мандельштам связывает «армянскую» и «московскую» темы.

Следующим человеком, связанным с Ереваном, а также и с Москвой, о котором пишет Мандельштам, является «хорошообразованный молодой зоолог» (Мандельштам, 2010, с. 315) Борис Кузин: для «наблюдения за выходом кошенили» он был отправлен из Московского университета в Ереван, где он и Мандельштам познакомились и подружились. Примечательно, что не раз в тексте Мандельштам, вспоминая о совместном времени в Ереване, использует обращения к Кузину, «что придаёт “полуповести” характер личного разговора с близким человеком» (Сурат, 2018, с. 207): «<...> Этими запоздалыми рассуждениями, Б. С., я надеюсь хотя бы отчасти вас вознаградить за то, что мешал вам в Эривани играть в шахматы» (Мандельштам, 2010, с. 322). С Кузиным, другом и главным героем «Путешествия...», связан также самый объёмный фрагмент текста, в котором присутствует описание Еревана: «Итак, Б. С., вы уезжаете первым...», – т. е. из Москвы в Ереван. Б. Кузин повторно поехал в Армению в 1931 году, Мандельштам также планировал очередную поездку. Далее следуют воспоминания в будущем времени. Приведём их полностью:

Вы остановитесь на улице Спандарьяна, 92, у милейших людей – Тер-Оганьянов. Помните, как было? Я бежал к вам «по Спандарьяну», глотая едкую строительную пыль, которой славится молодая Эривань. Ещё мне были любы и новы шероховатости, шершавости и торжественности отремонтированной до морщин Араратской долины, город, как будто весь развороченный боговдохновенными водопроводчиками, и большеротые люди, с глазами, просверлёнными прямо из черепа, – армяне. Мимо сухих водокачек, мимо консерватории, где в подвальчике разучивали квартет и откуда слышался сердитый голос профессора: «падайте! падайте!» – то есть дайте нисходящее движение в адажио, – к вашей подворотне. Не ворота, а длинный прохладный туннель, прорубленный в дедовском доме, и в него, как в зрительную трубу, брезжил дворик с зеленью, такой не по сезону тусклой, как будто ее выжгли серной кислотой. Кругом глазам не хватает соли. Ловишь формы и краски – и всё это опресноки. Такова Армения.

На балкончике вы показали мне персидский пенал, крытый лаковой живописью цвета запёкшейся с золотом крови. Он был обидно пустой. Мне захотелось понюхать его почтенные затхлые стенки, служившие сардарскому правосудию и моментальному составлению приговоров о выкалывании глаз. Затем, снова уйдя в ореховый сумрак квартиры Тер-Оганьянов, вы возвратились с пробиркой и показали

мне кошениль. Красно-бурые горошины лежали на ветке. Эту пробу вы взяли из татарской деревни Сарванлар, вёрстах в двадцати от Эри-вани. Оттуда хорошо виден *отец Арарат*, и в сухой пограничной атмосфере невольно чувствуешь себя контрабандистом <...>.

(курсив – А. П.–Б.) (Мандельштам, 2010, сс. 318–319).

В полном трёхтомном собрании сочинений Осипа Мандельштама в комментариях к «Путешествию...» указано, что «балкон и надстройка появились позже» и что здание сохранилось и сейчас это дом 74 на ул. Спандарьяна по новой нумерации (Мандельштам, 2010, с. 678). Однако с 1960-х улица начала перестраиваться; дом, о котором говорит Мандельштам, был снесён²⁴, на его месте сейчас современное бетонное здание (ил. 11, 12), а после 1990 года улицу переименовали обратно в ул. Арами²⁵.

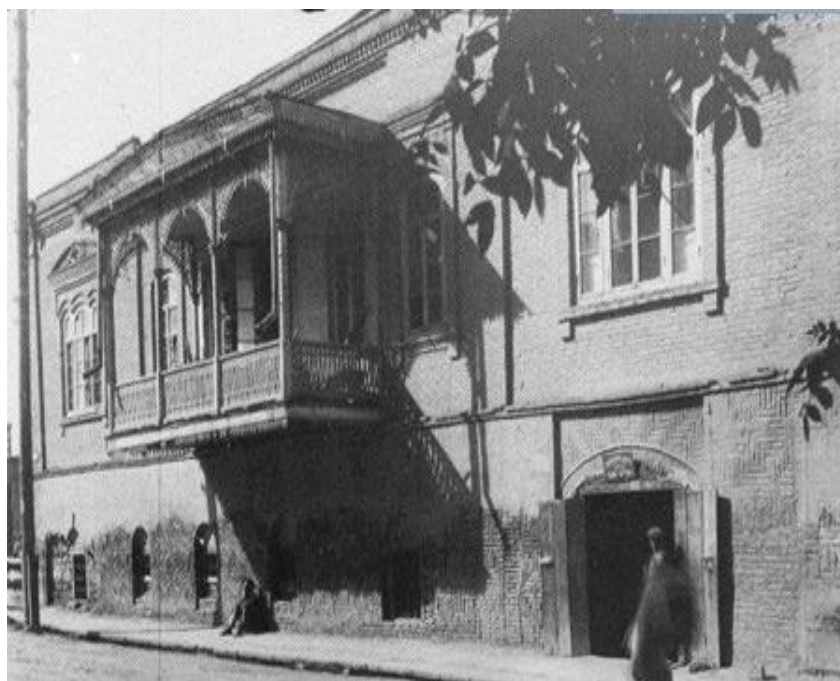
Сравнивая кругом всё с опресноками, Мандельштам обращается к библейскому сюжету – такие лепёшки без соли и закваски, пресные, евреи ели в пустыне после исхода из Египта. Так и Мандельштам, этнический еврей, сбежал из *московского рабства* в пустыню-Армению, «младшую сестру земли иудейской» (Мандельштам, 1999а, с. 557). Противопоставление Советской Москвы и Армении – одна из тем произведения, заслуживающая отдельного исследования. Примечательно, что тема возрождения, избавления от недуга, присутствует в черновике: сохранился фрагмент про мандельштамовскую первую учительницу армянского, которая «свой недолеченный в Швейцарии туберкулёз ...остановила пылью эриванских улиц» (Мандельштам, 2010, с. 397). Так и Мандельштам после путешествия по Армении излечился от страха и творческого безмолвия.

Ереван в воспоминаниях Мандельштама – это «развороченный» из-за большой стройки, новый, «отремонтированный» город. Он строится не только в центре, но и на окраинах: «Ямщицкая гора, сверкающая снегом, кротовое поле, как будто с издевательской целью засеянное каменными зубьями, нумерованные бараки строительства и набитая пассажирами консервная жестянка – вот вам окрестности Эри-вани» (Мандельштам, 2010, с. 335). Через несколько лет окраины станут полными районами выросшего города.

Мандельштам был готов «видеть размах социалистического строительства в Армении» (Сурат, 2018, с. 203), подтверждением этому – фрагмент текста из черновиков, который не вошёл в окончательный вариант произведения: «Везде и всюду, куда бы я ни проникал, я встречал твёрдую волю и руку большевистской партии. Социалистическое строительство становится для Армении как бы второй природой» (Мандельштам, 2010, с. 396); кроме того, в главе «Аштарах» автор упоминает «дока-тившуюся до Армении коллективизацию» (Нерлер, 2015, с. 141), пишет о том, что «ночлег пришёлся в обширном четырехспальном доме раскулаченных» (Мандельштам, 2010, с. 335).

²⁴ Автор выражает благодарность работницам Музея истории Еревана и Юрию Варяну из «Центра Геодезии и Картографии» Еревана за предоставленную информацию.

²⁵ См.: Переименованные улицы, проспекты, переулки, тупики, проходы, площади, сады и кварталы Еревана (Начиная с 1990 года). Источник: <https://www.yerevan.am/uploads/media/default/0001/08/3c82a409014580215013e73b5f69870d4bed6bb5.pdf>

Ил. 11. Ереван, улица Спандарьяна, 1930.
Источник: <https://www.radiovan.fm/station/article/8368>

Ил. 12. Дом 74 по ул. Арами (бывш. Спандарьяна, 92).
Источник: личный архив, 2024.

Однако Мандельштам не был готов изменять своему творческому методу, о чём говорит в записной книжке: «Но глаз мой, [падкий до всего странного, мимолётного и скоротечного] улавливал в путешествии лишь светоносную дрожь [случайностей], растительный орнамент [действительности, анекдотический узор]» (Мандельштам, 2010, с. 396). Примечательно, что черновой фрагмент про социалистическое строительство и достижения большевистской партии написаны вычурным языком советских газет, с применением высокопарных клише и метафор. Такой фрагмент, даже если бы он был включён в окончательную версию «Путешествия...», своей выбивающейся стилистикой говорил бы обратное тому, что было бы написано.

Описание Еревана невозможно без изображения природы вокруг, главных армянских гор-символов Арарата и Арагаца. Последней Мандельштам посвятил отдельную главу. Ереван тесно связан с величественным присутствием этих гор, которые являются неотъемлемой частью городского ландшафта и культуры: «В Эривани Алагёз торчал у меня перед глазами, как здрастье и прощайте. Я видел, как день ото дня подтаивал его снеговой гребень, как в хорошую погоду, особенно по утрам, сухими гренками хрустели его нафабранные кручи. И я тянулся к нему через тутовые деревья и земляные крыши домов. Кусок Алагёза жил тут же со мной, в гостинице. На подоконнике почему-то валялся увесистый образчик чёрного вулканического стекла – камень обсидиан. Визитная карточка в пуд, забытая какой-нибудь геологической экспедицией» (Мандельштам, 2010, сс. 338–339).

Итак, Ереван в «Путешествии в Армению» Мандельштама – это строящийся культурно-научный центр Армении, однако он ценен не столько своей архитектурой или политико-экономической ролью в стране, но как столица древнего государства, которое несмотря на преобразования, не утратила связи со своим прошлым. Кроме того, это город, где Мандельштам обрёл близкого друга Бориса Кузина, – то есть город, ценный личной историей, связанный с дорогими сердцу воспоминаниями.

Заключение

В трёх травелогах об Армении – Белого, Шагинян и Мандельштама – Ереван представляется разным в зависимости от акцентов, расставленных авторами, однако во всех текстах прослеживается общая тема его трансформации и развития, устремлённость в будущее.

В частности, Мариэтта Шагинян сосредоточена на социалистических преобразованиях. Ереван в «Путешествии по Советской Армении» – это символ успеха советского государства, город, где мечты о «городе будущего» воплотились в реальность благодаря труду большевиков. Шагинян рассматривает Ереван сквозь призму социалистической идеологии, подчёркивая культурные и научные достижения, уделяя особое внимание его архитектурным и инфраструктурным изменениям. В этом контексте Ереван становится символом новой эпохи, центром культурных и политических преобразований. Кроме того, Шагинян отмечает строительство новой национальности, национальной идентичности – появление нового типа человека, и Ереван – это своего рода колыбель нового армянского народа. Тем не менее, её повествование, равно как и повествование Белого, нередко страдает излишней патетичностью и идеологической ангажированностью.

Для Андрея Белого Ереван – это город контрастов, в котором древнее переплетается с современным, а природное – с рукотворным. Автор акцентирует внимание

на инженерных и архитектурных достижениях, вслед за Шагинян подчёркивая роль Советской власти в возрождении города. Белый изображает Ереван как динамично развивающийся город на пересечении культур, где, несмотря на бытовые трудности, в каждом его аспекте можно разглядеть красоту – настоящую или будущую. Важную роль в очерке играют образы природы, что создаёт поэтический и географически уникальный образ города.

Очерк Белого был, безусловно, «ближайшим примером» (Сурат, 2018, с. 210) для «Путешествия в Армению» Мандельштама. И Мандельштам создаёт текст, кардинально противоположный ему по содержанию. Для Мандельштама Ереван важен не столько своей архитектурой или ролью в социалистическом строительстве, сколько своей историей. Ереван – это столица некогда Библейского государства, и именно в такую страну и такой город приезжает Мандельштам. Мандельштам видит Ереван как символ армянской культуры, глубоко укоренённой в прошлом, но при этом открытой для нового. Кроме того, образ города пропитан личными воспоминаниями, связанными с дружбой с Борисом Кузиным, страхами и преодолением внутренних противоречий. Однако, как и очерк Белого, «Путешествие...» Мандельштама – это поэтический текст, написанный прозой. Сравнительный анализ этих двух произведений заслуживает отдельного, детального исследования.

Таким образом, в произведениях Шагинян, Белого и Мандельштама Ереван представлен с разных сторон: как символ социалистического прогресса, как точка культурного и духовного синтеза, как город личных воспоминаний и преображений. Несмотря на общий объект изображения, каждый автор придаёт Еревану своё особое значение, что отражает их индивидуальные мировоззрения и творческие подходы.

Библиография

- Абрамян, Л. А. (2010). Ереван: память и забвение в организации пространства постсоветского города. *Антропологический форум*, 12, 248–271.
- Абрамян, Л. А. (2023). «Звартноц, соединённый с Колизеем»: от Нардома Таманяна до Театра оперы и балета. *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*, 3(1), 32–61. [https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(1\)-32-61](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(1)-32-61)
- Асаева, М. М. (2009). *Речевые средства выразительности в автобиографической прозе О. Э. Мандельштама*. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Дагестанский государственный университет.
- Багратион-Мухранели, И. Л. (2015). Кавказский подтекст диалога с вождем Мандельштама. Истоки концепта «Кремлевский горец». *Сибирский филологический журнал*, 1, 51–60.
- Багратион-Мухранели, И. Л. (2016). *Репрезентация Грузии и Кавказа в русской литературе XIX – начала XX века*. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук. Тверской государственный университет.
- Белый, А. (1985). *Армения: Очерк, письма, воспоминания*. Советакан грох.
- Береснева, Ж. А. (2014). Символический мир культуры в путевых заметках Андрея Белого. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, 1(57), 238–242.
- Битов, А. (2013). *Путешествие из России: Империя в четырёх измерениях. Измерение III: (повести-путешествия)*. Астрель.

- Богачева, Е. В. (2010). Жанр литературного путешествия в творчестве М. Шагинян. *Известия Уральского Государственного Университета. Серия 2: Гуманитарные науки*, 3(79), 133–142.
- Галстян, В. А. (2019). Концепт путешествие и средства его выражения в автобиографической прозе О. Мандельштама «Путешествие в Армению». В Н. Б. Самсонов (ред.), *Лексикология русского языка и стилистика художественного текста*. (сс. 179–183). Московский государственный областной университет.
- Галстян, В. А. (2020). Экфрасис как словесный приём передачи концептов культуры в автобиографической прозе О. Мандельштама «Путешествие в Армению». В О. В. Шаталова (ред.), *Русский язык в славянской межкультурной коммуникации*. (сс. 48–53). Диона.
- Головченко, И. Ф. (2017а). Литературное путешествие в очерке О. Э. Мандельштама «Севан»: аллюзии к рассказу Э. По «Правда о том, что случилось с мистером Вальдемаром». *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*, 22(3), 426–432. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2017-22-3-426-432>
- Головченко, И. Ф. (2017б). Семантический комплекс «путешествия» в дискурсе акмеизма (Н. Гумилев, О. Мандельштам, А. Ахматова). Автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук. Институт международного права и экономики имени А. С. Грибоедова.
- Головченко, И. Ф. (2017в). Формирование и развитие метафорического концепта в диалогическом контексте «Путешествия в Армению» Осипа Мандельштама. *Успехи современной науки*, 3(4), 163–166.
- Громов-Колли, А. (2002). Путевая проза русских писателей первой трети XX века. *Русская речь*, 5, 24–30.
- Закарян, А. (1981). Сергей Городецкий в Ереване (1919 г. апрель). *Вестник общественных*, 6, 53–64 (на арм. языке).
- Закарян, А. (2018). Ереванские впечатления Сергея Городецкого (Конец апреля – начало мая 1919 года). *Историко-филологический журнал*, 1, 56–67.
- Злыднева, Н. В. (2010). Экфрасис в «Путешествии в Армению» Мандельштама: проблема референции. В Т. М. Николаева (ред.), *Исследования по лингвистике и семиотике*. (сс. 572–579). Языки славянских культур.
- Карапетян, В. (2015). *Гранд Отель Ереван*. Mediapolis.
- Кубатьян, Г. И. (2012). Бегство в Армению и другие этюды о Мандельштаме. *Вопросы литературы*, 2, 65–99.
- Мандельштам, Н. Я. (1987). *Воспоминания. Книга третья*. YMCA-PRESS.
- Мандельштам, Н. Я. (1989). *Воспоминания. Книга*.
- Мандельштам, Н. Я. (1999а). *Вторая книга: к столетию со дня рождения*. Согласие.
- Мандельштам, О. Э. (1999б). *Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4: Письма*. Арт-Бизнес-Центр.
- Мандельштам, О. Э. (2010). *Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. Т. 2: Проза*. Прогресс-Плеяда.
- Мандельштамовская энциклопедия: в 2 т. Т. I* (2017а). Политическая энциклопедия.
- Мандельштамовская энциклопедия: в 2 т. Т. II* (2017б). Политическая энциклопедия.
- Маргарян, Е. Г. (2021). Урбанистические проблемы Еревана: мысли о немислимом. *Urbis et Orbis. Микростория и семиотика города*, 1, 37–76. <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-37-76>

- Матанцева, Л. В., Савченко, Т. Д., & Щиrowsкая, Т. Н. (2014). Феномен писательского странничества в литературе путешествий XIX–XX веков. В *Культура. Духовность. Общество*. (с. 7–14). Центр развития научного сотрудничества.
- Мец, А. Г., & Ахвердян, Г. Р. (2011). Заметки о «Путешествии в Армению» О. Мандельштама. В *Россия и Запад*. (с. 294–301). Новое литературное обозрение.
- Моранта, С. (2015). Проза Осипа Э. Мандельштама и «Литературная злость»: заметки о «Шуме времени» и «Путешествии в Армению». В *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: в 15 т. Т. 14*. (с. 434–439). MAPRYAL.
- Нерлер, П. (2014). *Соп атоте: Этюды о Мандельштаме*. Новое литературное обозрение.
- Нерлер, П. (2015). «Путешествие в Армению» и путешествие в Армению Осипа Мандельштама: попытка реконструкции. *Знамя*, 11, 123–152.
- Николаева, А. (1997). «Путешествие в Армению» О. Э. Мандельштама. *Русская речь*, 6, 35–40.
- Пенкина, А. (2020). Обращение О. Мандельштама к Данте в «Четвертой прозе» и «Путешествии в Армению». *Вопросы литературы*, 1, 231–245. <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2020-1-231-245>
- Петерс, Й.-У. (2010). Глаз как «орудие мышления»: соотношение чувственного познания и поэтической рефлексии в «Путешествии в Армению» Осипа Мандельштама. В В.-С. Киссель & Г. А. Тиме (сост.), *Беглые взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века*. (с. 137–145). Новое литературное обозрение.
- Розенталь, С. (1933). Тени старого Петербурга («Звезда», №№1–7 за 1933 год). *Правда*, 239(5765), 30 августа, 4.
- Симян, Т. С. (2019а). Музыкальное и карнавальное пространство старого Тифлиса (на примере творчества Вано Ходжабекяна, Вагаршака Элибекяна, Агаси Айвазяна). *ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики*, 2(20), 63–80. <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2019-2-63-80>
- Симян, Т. С. (2019б). От биосферы до ноосферы: теория и практика. *Критика и семиотика*, 1, 173–197. <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2019-1-173-197>
- Степанян, А. А., & Симян, Т. С. (2016). Ереван как семиотический текст (опыт реконструкции «начала» и «конца» проспекта Маштоца). *Критика и семиотика*, 16, 6–16.
- Сурат, И. (2018). Два путешествия: Мандельштам и Пушкин. *Урал*, 7, 195–215.
- Таманян, А. И. (1935). Творческие отчёты. *Архитектура СССР*, 5, 3–7.
- Таркан, Н. (2010). Топос города в поэзии О. Мандельштама. В *Русский язык в контексте культуры*. (с. 196–199). Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова.
- Творчество М. С. Шагинян и ее современников: актуальный взгляд* (2023). Материалы X Шагиняновских чтений. Издательство Южного федерального университета.
- Шагинян, М. С. (1950). *Путешествие по Советской Армении*. Молодая гвардия.
- Шагинян, М. С. (1987). *Собрание сочинений: в 9 т. Т. 3. Месс-менд, или Янки в Петрограде. Т. 3. Роман-сказка; Гидроцентральный: Роман; Очерки, 1922–1936*. Художественная литература.
- Шафранская, Э. Ф. (2022). Армянский текст: стихи и проза. *Филологические науки*, S6, 135–143. <https://doi.org/10.20339/PhS.6s-22.135>
- Шуваева-Петросян, Е. (2019). Мандельштам О. Э. армянский текст (К 80-летию со дня смерти). *Cross-Cultural Studies: Education and Science*, 2, 92–99.

- Шуган, О. В. (2018). Старый и новый Кавказ глазами А. М. Горького (очерки «по Союзу Советов»). *Вестник Костромского государственного университета*, 24(1), 47–52.
- Эберт, К. (2010). «Надо уметь видеть»: травелоги Андрея Белого «Ветер с Кавказа» и «Армения» как эстетическое наставление. В В.-С. Киссель & Г. А. Тиме (сост.), *Беглые взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века*. (сс. 146–168). Новое литературное обозрение.
- Sippl, C. (1997). *Reisetexte der russischen Moderne. Andrej Belyj und Osip Mandel'stam im Kaukasus*. Sagner.
- Vasilyan, V. O. (2023). The image of the city in Armenia. Anthropological perspective. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 3(1), 82–96. [https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(1\)-82-96](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(1)-82-96)
- Vermishyan, H., & Barseghyan, L. (2022). Yerevan center urban parks and garden squares: places for people, places of meanings. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 1(2), 157–184. [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1\(2\)-157-184](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1(2)-157-184)

References

- Abramyan, L. A. (2010). Yerevan: Memory and forgetting in the organization of post-soviet urban space. *Forum for Anthropology and Culture*, 12, 248–271. (In Russian).
- Abramyan, L. A. (2023). Zvartnots conjunct with Colosseum. From Tamanyan's People's House to the Theater of opera and ballet. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 3(1), 32–61. [https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(1\)-32-61](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(1)-32-61) (In Russian).
- Asaeva, M. M. (2009). *Speech means of expression in O. E. Mandelstam's autobiographical prose*. Thesis abstract for the degree of Candidate of Philosophical Sciences. Dagestan State University. (In Russian).
- Bagration-Mukhraneli, I. L. (2015). The Caucasian subtext of the dialogue of Mandel'shtam with the leader. The origins of the concept «The Kremlin mountaineer». *Siberian Journal of Philology*, 1, 51–60.
- Bagration-Mukhraneli, I. L. (2016). *The representation of Georgia and the Caucasus in Russian literature of the XIX – early XX century*. Thesis abstract for the degree of Doctor of Philology. Tver State University. (In Russian).
- Bely, A. (1985). *Armenia: Essay, letters, memoirs*. Sovetakan grogh. (In Russian).
- Beresneva, Zh. A. (2014). The symbolical world of culture in Andrey Byely's traveling notes. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 1(57), 238–242. (In Russian).
- Bitov, A. (2013). *Journey from Russia: Imeria in four dimensions. Dimension III: (travel stories)*. Astrel'. (In Russian).
- Bogacheva, E. V. (2010). Literary travel genre in M. Shaginyan's creative work. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 3(79), 133–142. (In Russian).
- Ebert, K. (2010). “One must be able to see”: Andrei Bely's travelogues “The Wind from the Caucasus” and “Armenia” as an aesthetic instruction. In V.-S. Kissel & G. A. Thime (Comp.), *Cursory glances: A new reading of Russian travelogues of the first third of the 20th century*. (pp. 146–168). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Galstyan, V. A. (2019). The concept of travel and the means of its expression in O. Mandelstam's autobiographical prose “Journey to Armenia”. In N. B. Samsonov (Ed.),

- Lexicology of the Russian language and the stylistics of the literary text.* (pp. 179–183). Moscow State Regional University. (In Russian).
- Galstyan, V. A. (2020). Ecphrasis as a verbal method of conveying cultural concepts in O. Mandelstam's autobiographical prose "Journey to Armenia". In O. V. Shatalova (Ed.), *The Russian language in Slavic intercultural communication.* (pp. 48–53). Dione. (In Russian).
- Golovchenko, I. F. (2017a). The literary travel in O. Mandelshtam's essay "Sevan": The allusions to Edgar Poe's story "The facts in the case of M. Valdemar". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 22(3), 426–432. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2017-22-3-426-432> (In Russian).
- Golovchenko, I. F. (2017b). *The semantic complex of "travel" in the discourse of Acmeism (N. Gumilev, O. Mandelstam, A. Akhmatova).* Thesis abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Philology. A. S. Griboyedov Institute of International Law and Economics. (In Russian).
- Golovchenko, I. F. (2017c). Formation and development of a metaphorical concept in the dialogical context of Osip Mandelstam's "Journey to Armenia". *Modern Science Success*, 3(4), 163–166. (In Russian).
- Gromov-Kolli, A. (2002). Travel prose by Russian writers of the first third of the XX century. *Russian Speech*, 5, 24–30. (In Russian).
- Karapetian, V. (2015). *Grand Hotel Yerevan.* Mediapolis.
- Kubat'yan, G. I. (2012). The escape to Armenia and other etudes about Mandelshtam. *Voprosy literatury*, 2, 65–99. (In Russian).
- Mandel'shtam, N. Ya. (1987). *Memories. The third book.* YMCA-PRESS. (In Russian).
- Mandel'shtam, N. Ya. (1989). *Memoirs.* Kniga. (In Russian).
- Mandel'shtam, N. Ya. (1999a). *Book two: On the centenary of his birth.* Soglasie. (In Russian).
- Mandel'shtam, O. E. (1999b). *Collected works: in 4 vols. Vol. 4: Letters.* Art-Biznes-Tsentr. (In Russian).
- Mandel'shtam, O. E. (2010). *The complete works and letters: in 3 vols. Vol. 2: Prose.* Progress-Pleyada. (In Russian).
- The Mandelstam Encyclopedia: in 2 vols. Vol. 1* (2017a). Politicheskaya ehntsiklopediya. (In Russian).
- The Mandelstam Encyclopedia: in 2 vols. Vol. 2* (2017b). Politicheskaya ehntsiklopediya. (In Russian).
- Margaryan, E. G. (2021). Urban problems of Yerevan: Thoughts about the unthinkable. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 1, 37–76. <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-37-76> (In Russian).
- Matantseva, L. V., Savchenko, T. D., & Shchirovskaya, T. N. (2014). The phenomenon of writer's wandering in the travel literature of the XIX–XX centuries. In *Culture. Spirituality. Society.* (pp. 7–14). Tsentr razvitiya nauchnogo sotrudnichestva. (In Russian).
- Mets, A. G., & Akhverdyan, G. R. (2011). Notes on O. Mandelstam's "Journey to Armenia". In *Russia and the West.* (pp. 294–301). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Moranta, S. (2015). Osip E. Mandelstam's prose and "Literary Anger": notes on the "Noise of Time" and "Journey to Armenia". In *Russian Language and Literature in the Space of World Culture: in 15 vols. Vol. 14.* (pp. 434–439). MAPRYAL. (In Russian).
- Nerler, P. (2014). *Con amore: Studies on Mandelstam.* Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

- Nerler, P. (2015). Journey to Armenia and Osip Mandelstam's Journey to Armenia: an attempt at reconstruction. *Znamya*, 11, 123–152. (In Russian).
- Nikolaeva, A. (1997). Journey to Armenia by O. E. Mandelstam. *Russian speech*, 6, 35–40. (In Russian).
- Penkina, A. (2020). O. Mandelstam's reference to Dante in *The Fourth Prose* (Chetvyortaya proza) and *Journey to Armenia* (Puteshestvie v Armeniyu). *Voprosy literatury*, 1, 231–245. <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2020-1-231-245> (In Russian).
- Peters, I.-U. (2010). The eye as an “instrument of thinking”: The correlation of sensory cognition and poetic reflection in Osip Mandelstam's “Journey to Armenia”. In V.-S. Kissel & G. A. Thime (Comp.), *Cursory glances: A new reading of Russian travelogues of the first third of the 20th century*. (pp. 137–145). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Rozental', S. (1933). Shadows of Old Petersburg (“Zvezda”, No. 1-7 for 1933). *Pravda*, 239(5765), 30 august, 4. (In Russian).
- Shafranskaya, E. F. (2022). Armenian text: Poetry and prose. *Philological Sciences*, S6, 135–143. (In Russian).
- Shaginyan, M. S. (1950). *Travelling through Soviet Armenia*. Molodaya gvardiya. (In Russian).
- Shaginyan, M. S. (1987). *Collected works in 9 vols. Vol. 3: Messi-Mendes, or the Yankees in Petrograd. Vol. 3: A fairy tale novel; Hydrocentral: A novel; Essays*. Khudozhestvennaya literature. (In Russian).
- Shugan, O. V. (2018). Old and new Caucasus seen by A. M. Gorky (feature articles “Across the Soviet Union”). *Vestnik of Kostroma State University*, 24(1), 47–52. (In Russian).
- Shuvaeva-Petrosyan, E. (2019). Mandelstam O. E. Armenian text (to the 80th death anniversary). *Cross-Cultural Studies. Education and Science*, 2, 92–99. <https://doi.org/10.24411/2470-1262-2019-10052> (In Russian).
- Simyan, T. S. (2019a). Musical and carnival space of Old Tiflis (by the example of Vano Khojabekyan, Vagharshak Elibekyan, Agasi Aivazyan). *ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*, 2(20), 63–80. <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2019-2-63-80> (In Russian).
- Simyan, T. S. (2019b). From biosphere to noosphere: Theory and practice. *Critique and Semiotics*, 1, 173–197. <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2019-1-173-197> (In Russian).
- Sippl, C. (1997). *Reisetexte der russischen Moderne. Andrej Belyj und Osip Mandel'stam im Kaukasus*. Sagner.
- Stepanyan, A. A., & Simyan, T. S. (2016). Yerevan as a semiotic text (experience of reconstruction of the “beginning” and “end” of Mashtots Avenue). *Critique and Semiotics*, 16, 6–16. (In Russian).
- Surat, I. (2018). Two journeys: Mandelstam and Pushkin. *Ural*, 7, 195–215. (In Russian).
- Tamanyan, A. I. (1935). Creative reports. *Architecture of the USSR*, 5, 3–7. (In Russian).
- Tarkan, N. (2010). The topos of the city in the poetry of O. Mandelstam. In *The Russian language in the context of culture*. (pp. 196–199). Mogilev State University named after A. A. Kuleshov. (In Russian).
- The work of M. S. Shaginyan and her contemporaries: An actual view* (2023). Southern Federal University Publ. (In Russian).
- Vasilyan, V. O. (2023). The image of the city in Armenia. Anthropological perspective. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 3(1), 82–96. [https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(1\)-82-96](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(1)-82-96)

- Vermishyan, H., & Barseghyan, L. (2022). Yerevan center urban parks and garden squares: places for people, places of meanings. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 1(2), 157–184. [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1\(2\)-157-184](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1(2)-157-184)
- Zakarian, A. (1981). Sergey Gorodetski in Yerevan (April, 1919). *Herald of the Social Sciences*, 6, 53–64. (In Armenian).
- Zakarian, A. (2018). Sergey Gorodetsky's impressions of Yerevan (the end of April – the beginning of May, 1919). *Historical-Philological Journal*, 2, 56–67 (In Russian).
- Zlydneva, N. V. (2010). Ecphrasis in Mandelstam's "Journey to Armenia": The problem of reference. In T. M. Nikolaeva (Ed.), *Research in Linguistics and Semiotics*. (pp. 572–579). Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russian).

Информация об авторе

Ани Петрс-Барцумиан
кандидат филологических наук
кафедра Истории армянской литературы
и теории литературы
имени академика Гранта Тамразяна
Ереванский государственный университет
Армения, 0025, Ереван, ул. Алека Манукяна, 1
ORCID: 0000-0002-2720-6522
Scopus AuthorID: 58102961700
e-mail: petrsbartsumianan@gmail.com

Information about the author

Ani Petrs-Bartsumian
PhD (Philology)
The Chair of History and Literary Criticism
of Modern Armenian Literature
Yerevan State University
1, Alex Manoogian St., Yerevan, 0025, Armenia
ORCID: 0000-0002-2720-6522
Scopus AuthorID: 58102961700
e-mail: petrsbartsumianan@gmail.com

Материал поступил в редакцию / Received 20.04.2025
Принят к публикации / Accepted 03.05.2025